

Е. В. Бредт

**Нравственность и
безнравственность в
искусстве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.03
ББК 85
Е11

Е11 **Е. В. Бредт**
Нравственность и безнравственность в искусстве / Е. В. Бредт – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 130 с.

ISBN 978-5-519-66921-4

«Нравственность и безнравственность в искусстве» (1914)

Публицистико-эстетическое исследование, посвящённое спору о моральных границах искусства. Автор анализирует влияние художественных произведений на общественную нравственность, рассматривает соотношение эстетической свободы и моральной ответственности художника, отражая характерные для начала XX века дискуссии о роли искусства в жизни общества.

Автор: Бредт Е. В.
Полное имя: Евгений Викторович Бредт

ISBN 978-5-519-66921-4

© Lennex Corp, 2025
© Е. В. Бредт, 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ своемъ трудѣ я вовсе не намѣреваюсь рѣшать вопросъ, «что нравственно и что безнравственно?»

Существуютъ цѣлыя философскіе, юридическіе, богословскіе, нравственные трактаты, опредѣляющіе эти понятія. Приходится читать такую массу пустословія о сущности нравственныхъ и безнравственныхъ произведеній искусства, что уже не удивляешься практической безрезультатности всѣхъ этихъ одностороннихъ «разборовъ», въ сущности, не представляющихъ изъ себя ровно никакихъ разборовъ.

Повсюду — и дома, и въ церкви, и въ судахъ, и передъ витринами, на выставкахъ и въ мастерскихъ художниковъ — слышатся разсужденія о какомъ-нибудь новомъ «безнравственномъ» произведеніи; но почти безъ вниманія, безъ разсмотрѣнія, остается обширная, можно сказать, безграничная, область изученія искусства у различныхъ народовъ и въ различные времена.

Мы слишкомъ много возимся съ опредѣленіемъ понятій по ссылкамъ на параграфы. — Если это иногда и имѣетъ свою пользу, то въ вопросахъ живописи и скульптуры на первомъ мѣстѣ должно стоять внимательное созерцаніе.

Прислушиваясь ближе къ частнымъ разсужденіямъ среди публики и въ судахъ о произведеніяхъ искусства, про которыя прокричали, что они безнравственны, мы прежде всего должны отмѣтить, что почти всегда имѣется въ виду только то произведеніе, о которомъ идетъ рѣчь, что только примѣнительно къ нему пытаются разрѣшить вопросъ о «нравственности» и «безнравственности», вмѣсто того, чтобы стараться выяснить это, прибѣгая хотя бы къ многочисленнымъ образцамъ нравственного и безнравственного искусства христіанской эпохи.

И, если намъ, послѣ разсмотрѣнія тысячъ художественныхъ произведеній, изъ числа которыхъ «нравственность» нѣкоторыхъ вызываетъ сомнѣніе, приходится сказать, что границу между

нравственнымъ и безнравственнымъ провести весьма трудно, то все же это разсмотрѣніе принесетъ намъ нѣкоторую пользу: оно познакомитъ насъ съ созерцателемъ, съ зрителемъ.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ господствуетъ столько неясности потому, что мы не смотримъ внимательно на картины, забываемъ сравнить себя съ созерцателями другихъ временъ и не критикуемъ самихъ себя.

Отнесемся же критически къ самимъ себѣ и къ другимъ, какъ созерцателямъ нравственныхъ и безнравственныхъ художественныхъ произведеній.

Кодексъ наказаній прямо вызываетъ на подобную критику: онъ грозитъ наказаніемъ, если произведеніе произвело на зрителя безнравственное впечатлѣніе.

Слѣдовательно, законодатель знаетъ, что вмѣстѣ съ созерцателемъ мѣняются и чувства. Онъ, правда, думаетъ только о нашемъ времени и объ одномъ народѣ — не такъ, какъ знатоки искусства, имѣющіе въ виду всѣвозможныя страны, народы и времена.

Но, принимая во вниманіе измѣненіе чувствъ созерцателя, судья — подобно всѣмъ, призваннымъ къ руководству и воспитанію народа, къ надзору за нимъ — долженъ вѣрить въ улучшеніе нашихъ созерцательныхъ способностей примѣнительно къ картинамъ и стремиться къ нему.

Во время послѣднихъ процессовъ, касавшихся «безнравственныхъ» художественныхъ произведеній, судьи уже имѣли въ виду нѣсколько «повышенный типъ» созерцателей, составивъ себѣ на этотъ случай типъ специально «нормальнаго человѣка», чтобы сдѣлать его мѣриломъ при сужденіи о художественномъ произведеніи съ нравственной точки зрѣнія.

Но именно эта идеальная фигура оказалась достаточно смѣшной, — во всякомъ случаѣ, совершенно несостоятельной, — потому, что ея уровень стоитъ достаточно низко — гораздо ниже, чѣмъ нормальные художественные взгляды нашего народа, а также культурныхъ народовъ прежнихъ временъ.

Мы, по крайней мѣрѣ, постараемся показать въ этомъ очеркѣ, что наше нормальное пониманіе искусства по сравненію съ прошлымъ уже вовсе не

«нормальное», но значительно ниже его, и что было бы преступлѣніемъ противъ націи еще долѣе защищать невозможно-низкую точку, на которой стоитъ большинство, и выставлять обвинителями высокаго искусства низшихъ представителей нашего народа.

Я сопоставлю нормальные взгляды прежняго времени со взглядами современныхъ «нормальныхъ людей». Мы не станемъ указывать здѣсь на совѣтъ необыкновенныя произведенія искусства, ссылаться на художниковъ и созерцателей прошлаго, но масса произведеній «безнравственныхъ», «нагихъ» или нынѣ объявленныхъ «сомнительными» поведетъ насъ къ критикѣ насъ самихъ, какъ созерцателей, и поможетъ намъ исправиться.

Я вовсе не намѣренъ вносить лепту въ исторію эротики, но хочу сдѣлать весьма необходимыя указанія въ области воспитанія церковью и государствомъ. Отвергая принципиально всякія мудрствованія, я заставляю говорить самыя произведенія, чтобы они кратко и ясно выяснили намъ, когда, гдѣ и при какихъ условіяхъ они были возможны, и какъ къ нимъ относился старъ и младъ. Пусть мои разсужденія назовутъ исторически-сухими, я и не желалъ, чтобы они были занимательны, — развѣ только въ томъ смыслѣ, что въ этой области мы скорѣе сумѣли бы найтись и найдемся, знакомясь больше съ произведеніями и созерцателями ихъ, чѣмъ съ отвлеченными понятіями.

Я уже закончилъ собраніе матеріаловъ для этой работы, — занимавшей меня нѣсколько лѣтъ, — когда мнѣ попалась на глаза появившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ журналѣ статья безъ подписи, гдѣ я нашелъ цѣлый цвѣтникъ «прекрасныхъ изреченій» о произведеніяхъ, изображающихъ «наготу»¹⁾. Не

¹⁾ Укажу, что мои разсужденія ни въ какомъ случаѣ не касаются какой-либо партіи, церкви или личности. Такъ и авторъ статьи мнѣ — къ счастью — не знакомъ, и я не называю журнала обставленнаго лучшими силами. — Вообще, я держусь того убѣжденія, что именно при трактованіи подобныхъ темъ всякое враждебное цитированіе именъ дѣйствуютъ стѣсняющимъ образомъ, вовсе не выясняя дѣла.

могу не привести нѣкоторыхъ изъ этихъ изреченій. Они, къ сожалѣнію, типичны для большинства фанатиковъ нравственности и показываютъ, что не эстетическія разсужденія, но лишь спокойный историческій пересмотръ можетъ дать намъ лучшій матеріалъ для самоопредѣленія¹⁾).

Анонимный авторъ статьи говоритъ, между прочимъ: «Изображеніе Адама и Евы есть почти единственный сюжетъ среди сюжетовъ тогдашней живописи, нуждающийся въ изображеніи обнаженнаго человѣческаго тѣла, слѣдовательно, оправдывающій его.

«Было естественнымъ слѣдствіемъ нравовъ, климата и т. д., что искусство ранней поры христіанства и слѣдовавшаго за тѣмъ средневѣковья относилось къ наготѣ отрицательно».

«Изъ передовыхъ художниковъ лишь немногіе — Тиціанъ, Корреджіо и др. — проявили особую склонность къ наготѣ. Большинство отводитъ ей подобающее мѣсто и примѣняетъ тамъ, гдѣ трактуемый сюжетъ требуетъ нагого тѣла».

(Но онъ, напримѣръ, непослѣдовательно порицаетъ Макарта не за то, что тотъ избралъ такую «безнравственную» тему, какъ вступленіе Карла V въ Антверпенъ, но за то, что онъ изобразилъ на картинѣ нагихъ женщинъ и т. д.!).

«Безспорно, французы занимаютъ теперь первое мѣсто, — и, надо надѣяться, достигли въ этомъ высшей ступени навѣки — въ изображеніи обнаженнаго женскаго тѣла».

Анонимный авторъ говоритъ объ искаженіяхъ прекраснаго, которымъ этотъ народъ въ теченіе 200 лѣтъ грѣшитъ противъ вкуса изящнаго: «Почти всѣ художественныя способности этого народа «расточались на возвеличеніе распутной женщины».

Въ заключеніе авторъ статьи раздражается противъ «больного» современнаго искусства и говоритъ съ паѳосомъ глубокаго знатока: «Кто понимаетъ знаменія исторіи, кто можетъ отличить расцвѣтъ

¹⁾ Здѣсь, конечно, можетъ быть дана лишь самая незначительная часть матеріала, который обязанъ просмотрѣть судья. Часть задачи этого пересмотра была бы уже исполнена, если бы знанія и оцѣнка самихъ себя черпались изъ такихъ богатыхъ иллюстраціями произведеній, какъ «Formenschatz» Гирта, «Культурно-историческій альбомъ» его же, «Schöner Mensch», и сборниковъ старинныхъ книжныхъ иллюстрацій Реберъ-Байерсдорфера.

Рис. 1. Заставка въ псалтырь 14 столѣтія.

Рис. 2. Бальдунгъ-Грингъ. Иосифъ и жена Пентефрія. Г'исунокъ на поляхъ
молитвенника императора Максимиліана.

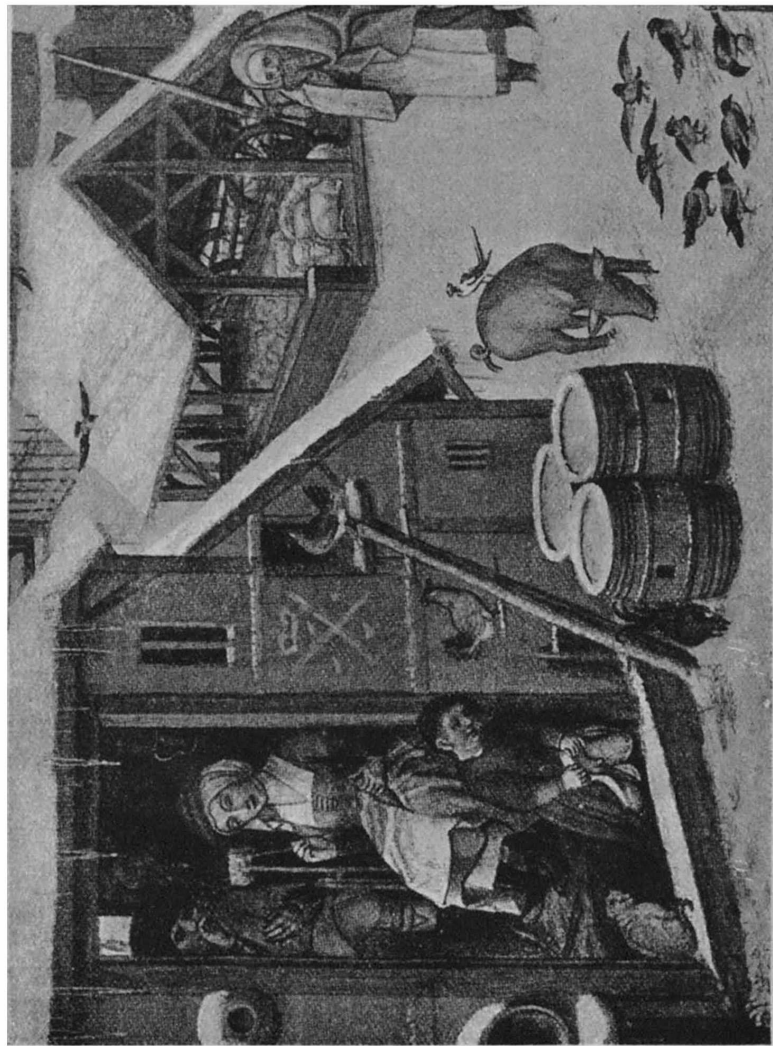

Рис. 3. Рисунокъ къ мѣсяцу изъ молитвенника Гримальди. Фрагментъ.
К. В. Гирземавъ. Лейпцигъ.

Рис. 4. Вальсница. Украшение на полях библии короля Венцеслава Богемского 1441 г.
(Изъ 12 тома Ежегодника Художественныхъ Собраний германскаго императорскаго дома)

отъ упадка, тотъ судить, не обращая вниманія на шумъ критики и рекламы и узнаеть по нимъ высокую или низкую степень культурности эпохи такъ же безошибочно, какъ морякъ узнаеть свое мѣстонахождение среди океана по звѣздамъ».

Можно ли относиться серьезно къ подобнымъ изреченіямъ? У кого они не вызовутъ смѣха или насмѣшки — если только чловѣкъ имѣеть хотя нѣкоторое понятіе объ измѣненіяхъ въ художественной области и художественныхъ теченіяхъ разсматриваемыхъ нами эпохъ.

Несомнѣнно, что авторъ анонимной статьи не историкъ искусства, ибо, если и существуютъ — къ сожалѣнію — еще нѣкоторыя популярныя исторіи искусства, искажающія и затушовающія изъ ложной моральной боязни факты, указывающіе на положеніе вещей въ области искусства, то уже ни одинъ серьезный изслѣдователь не относится къ «расцвѣту» и «періодамъ упадка» искусства такъ, какъ нашъ анонимъ.

Къ сожалѣнію, мы ежедневно читаемъ варіаціи подобнаго отсутствія опредѣленныхъ взглядовъ, которыя, въ лучшихъ случаяхъ, можно счесть за приглашеніе по л а к о м и т ь с я искусствомъ.

Важный вопросъ.

Представляло ли средневѣковье наготу исключительно тамъ, гдѣ она мотивирована?

Конечно, кто знаетъ изъ средневѣковой жизни только стѣнную живопись и фрески, кто видѣлъ лишь великія пластическія образцовыя произведенія того времени, тотъ легко можетъ сказать, что кромѣ Адама и Евы, — нагота которыхъ мотивирована въ средніе вѣка, нагота попадаетъ рѣдко.

Мы позднѣе докажемъ, что это только поверхностное утвержденіе; но развѣ миниатюрная живопись въ рукописяхъ и книжныхъ заставкахъ не представляетъ гораздо болѣе богатаго и важнаго источника для нашего познанія? Не судимъ ли мы совершенно справедливо и о нашемъ искусствѣ по этому роду миниатюрнаго искусства, т.-е. по иллюстраціямъ въ книгахъ и журналахъ?

Именно, въ мелкомъ графическомъ искусствѣ среднихъ вѣковъ

проявляется вся жизнерадостность художественного направлѣнія у культурныхъ народовъ того времени.

Взгляните на начальныя буквы псалма «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ» изъ рукописи 14 столѣтія (рис. 1).

Мы бы могли ожидать здѣсь идеальнаго изображенія богобоязненнаго чловѣка.

Но ничего подобнаго — кромѣ небольшого медальоннаго изображенія Давида, играющаго на арфѣ, — мы здѣсь не находимъ. Напротивъ, — всевозможныя нагія фигуры, гоняющіяся за дикими звѣрями и зайцами.

Мы знаемъ уже, что это — по крайней мѣрѣ, частью — аллегорія борьбы съ злымъ духомъ.

Да! — Но почему же охотники должны гоняться за дичью нагими? Мотивировано ли это этически, художественно, климатически? Развѣ въ то время франкскіе охотники ходили голыми? Развѣ мы не слышимъ постоянно повторяемую фразу, что безстыдно изображать столько наготы, когда мы ее видимъ въ нашемъ климатѣ только въ исключительныхъ случаяхъ.

Но слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно въ орнаментѣ этого псалма. На фигуру злой сирены у края.

Необходима ли она?

Не соблазнительно ли все это для набожныхъ людей?

Допустили бы мы въ настоящее время нѣчто подобное въ церковной книгѣ? Хотя бы изображеніе и было аллегоріей злой мірской похоти?

Плохо бы пришлось художнику, который вздумалъ бы теперь поднести публикѣ что-либо подобное съ религіозной или педагогической цѣлью!

Но въ тѣ времена обладаніе подобными произведеніями — а именно псалтыри и молитвенники кишать такими юмористическими, сатирическими фигурами — составляло гордость церкви, и, безъ сомнѣнія, церковью и ея князьями они считались народнымъ воспитательнымъ и образовательнымъ пособіемъ!

Такой псалтырь и книжный орнаментъ вовсе не составляютъ исключенія (сравн. рис. 2, 3, 4).

Совершенно напротивъ. Иллюстраціи большинства свѣтскихъ и духовныхъ произведеній и книгъ среднихъ вѣковъ, раскрашенныхъ и снабженныхъ рисунками, могутъ показаться на нашъ глазъ